

4. Russkij jazyk: jenciklopedija / gl. red. Ju.N. Karaulov. M.: Bol'shaja ros. jencikl.: Drofa, 1997.

5. Shiverskaja N.V. Nekotorye aspekty sootnoshenija zagolovka i korpusa teksta // Problemy lingvisticheskogo analiza teksta. Irkutsk, 1990. S. 33–40.

Foreign words in titles of German economic articles and their cognitive and communicative meaning

There are considered the communicative strategies of constructing the titles of economic articles in the German language that contain foreign words, analyzed the cognitive nature of the process of titles creation.

Key words: *title, title complex, foreign word, communicative strategy, stylistic function.*

(Статья поступила в редакцию 3.07.2015)

А.В. БЕЛОЗЕРОВА
(Иваново)

**ГРАФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
ПРИ ОПИСАНИИ СИТУАЦИИ
КОНФЛИКТА
(на материале англоязычных
художественных текстов)**

Охарактеризованы графические средства, используемые автором художественного текста при описании конфликтной ситуации, а именно речи инициатора конфликта. Выделены наиболее часто используемые графические приемы, их функции, а также рассмотрено их место в процессе создания художественного образа инициатора конфликта.

Ключевые слова: *инициатор конфликта, некооперативное общение, стилистические приемы, графические приемы, анализ текста, прагмалингвистика.*

Читатель воспринимает текст в первую очередь зрительно, поэтому графическое оформление играет значимую роль в его понимании. Графические средства в контексте конфликтного дискурса мало изучены, но их

функциональные особенности являются важными ориентирами для осмысления и анализа текста.

Автор художественного текста, являясь носителем идейно-эстетического потенциала, создает образы героев при помощи различных языковых и неязыковых средств. И.С. Баженова, анализируя структуру художественного текста, выделяет семантический, синтаксический и прагматический уровни. Прагматический уровень показывает отношение описания к человеку, для которого оно предназначено. Воплощением прагматической функции, заложенной автором, является художественный образ, который выступает носителем идеи и некоторого эмоционального коэффициента. Этот эмоциональный коэффициент, сливаясь с идеей, делает впечатление читателя более рельефным [2, с. 119–140]. Таким образом, можно утверждать, что герои, имеющие деструктивные намерения и порождающие некооперативную интеракцию, могут быть распознаны по средствам, при помощи которых автор художественного текста создает их образ.

Передавая речь героев как одну из составляющих художественного образа, автор нередко прибегает к графическим средствам. Обычно графические средства направлены на передачу эмоциональной окраски, т.е. чувств, которые писатель сообщает читателю, или эмфазы как общего специального увеличения усилий говорящего, особо подчеркивающего часть высказывания или подсказывающего наличие подтекста [1, с. 244].

Цель данной статьи – рассмотреть фонографические приемы как средство создания образа инициатора конфликтной ситуации. Фонографические приемы рассматриваются с учетом функции, выполняемой ими в прагматическом аспекте – с учетом эмоций и идей, которые автор хочет передать читателю, отношения говорящего к сообщаемому, ситуации и ее оценке, собеседнику.

Для изображения ситуации некооперативного общения продуктивными графическими средствами являются изменение начертания (особенно курсив), а также употребление прописных букв вместо строчных в рамках целого слова или высказывания, использование многоточий, дефисации и тире. Выделение отдельных смысловых синтагм при помощи точек (т.е. парцелляция) также может быть отнесено к фонографическим стилистическим при-

емам в рамках некооперативной коммуникации.

Одной из функций фонографических средств является передача ритмико-мелодических особенностей речи коммуниканта. Как часть интонации, ритмико-мелодическая особенность речи отражает чередование повышения и понижения тона голоса, скорость речи говорящего и его выговор [3].

Помимо графического выделения, читатель может также ориентироваться на прямое (авторское) описание речи, характеризующее тон как холодный или, наоборот, ласковый, шуточный или взволнованный, на манеру произнесения: «вскричал», «пробормотал», «произнес холодно и отчетливо» и т.д. [1, с. 244].

Для передачи ритмико-мелодических особенностей речи говорящего в ситуациях некооперативного общения наиболее часто в нашем материале употреблялись такие приемы, как многоточие, дефисация, точки, тире и строчные буквы.

1. *Now, how does it work ...? 'He pretended to concentrate, steepling his fingers in front of his mouth. '... If Oswald were to produce a male heir before he died, then you would get nothing. Possibly worth pushing someone off the top of a castle for ... yes, no?[6].*

В данном примере многоточие употребляется с целью передать паузу хезитации коммуниканта. Замедление темпа речи до полной остановки здесь может демонстрировать проблему выбора речевых единиц (так называемый подбор слов) и планирования предложения в целом, а также являться смысловой паузой для передачи коммуникативной инициативы собеседнику.

Однако авторский комментарий “pretended to concentrate” говорит о том, что видимое замедление темпа речи является маскировкой истинных намерений, т.е. продуманной стратегией говорящего, о чем автор сообщает далее через одного из героев: *As a barrister, Camilla Balcon recognized his technique. She'd used it in the courtroom a hundred times before: make your audience wait. Make them nervous.*

Пауза хезитации здесь – часть стратегии коммуниканта, который хочет «подготовить» собеседников, введя их в определенное эмоциональное состояние (нервозность) для сообщения информации с целью произвести более сильный эффект.

2. *“Yes, Ahn-dre-ah? This had better be important. You know how I feel about being*

interrupted when I'm spending time with the girls,” she stated in her cold, clipped way [7].

В данном примере интересно написание имени (Andrea) с использованием дефисации. При помощи дефисации имя разделено на слоги. Автор демонстрирует его фонетическую форму так, как она представлена в речи говорящего, но не при помощи простого разделения слова на слоги или стандартных значков транскрипции, а передавая произношение долгого звука [a:] на письме посредством “ah”. Данные приемы помогают передать особенность речи коммуниканта – “clipped way” (резкая, рваная речь).

3. *‘What did you say?’ spat Serena incredulously.*

‘You. Want. To. Fuck. Him,’ said Tom, his voice turned hard and emotionless [6].

Интересно использование точки как пунктуационного знака-разделителя для передачи особенностей речи говорящего. Точка ставится в конце законченного повествовательного предложения, как полного, так и неполного. Поскольку признаками предложения, отличающими его от других функционирующих в речи единиц, являются не только предикативность или наличие глагола в личной форме, но и интонация и пауза, точка указывает как на паузу, так и на интонацию. Стилистическая функция точки может быть различной. При описании единой картины или быстрой смены событий точка разбивает текст на отдельные короткие предложения и одновременно создает единство и динамичность целого [1, с. 249]. В данном примере точка используется для обособления каждого слова (в том числе и служебного) в предложении с целью передать тон голоса коммуниканта (“hard and emotionless”).

4. *‘But ... your name was dismissed for not having – ah, shall we say – international appeal’ [6].*

Использование тире может быть рассмотрено как эквивалент многоточия для передачи замедления темпа речи или пауз. Пауза, передаваемая на письме за счет многоточия, более долгая, это почти полное прерывание высказывания. В то время как тире является маркером краткой паузы.

В данном примере использование тире демонстрирует паузу хезитации с целью формирования дальнейшего высказывания и корректного подбора языковых единиц. Однако она, в отличие от примера 1, заполнена фразой “ah, shall we say”, состоящей из нелекси-

ческого вставного звука “ah” и конструкции с модальным глаголом “shall” в значении “making suggestions about shared activities” (предположение о совместной деятельности), где под “shared activities” подразумевается процесс речи, диалог.

5. “*YOU’RE NOT GOING!*” she screamed at me [5].

В данном примере прописные буквы демонстрируют фонационный компонент – громкость голоса, что подтверждает авторский комментарий, выраженный глаголом звукового действия “to scream” (to speak in a heated hysterical manner; to utter or declare in a very loud voice [4].

Однако, опираясь на дефиницию глагола “to scream”, можно говорить не только о громкости речи говорящего, но и о его эмоциональном состоянии – “hysterical” (marked by excessive or uncontrollable emotion [Там же]), в котором говорящий повышает голос до крика. Чтобы это изобразить графически, автор оформил все высказывание прописными буквами.

Графические средства также могут выполнять эмфатическую функцию. Под эмфатической функцией понимается выделение при помощи графических средств одного или нескольких слов в предложении, которые являются важными для говорящего, т.е. смысловым центром высказывания. Курсив, использование прописных букв и точка – наиболее часто встречающиеся графические стилистические приемы.

6. “*Well, I’ll tell you what’s important!*” Lydia said. “*We haven’t had a party for a long time. I haven’t seen any people for a long time! I LIKE people! I LOVE parties*” [5].

В данном примере выделение отдельных слов в потоке речи прописными буквами служит для их акцентуации, т.е. подчеркивает их важность для говорящего. Некооперативная ситуация возникла на почве запрета посещать танцы и вечеринки, поэтому коммуникант делает акцент на свою эмоциональную привязанность к этому при помощи глаголов “to like” и “to love”, выделенных на письме прописными буквами.

7. ‘*You’re going to replace me with her?*’ she screamed, her voice quivering, shrill sound [6].

Оформляя речь при помощи изменения начертания (курсив) (мы его выделили жирным. – А.В.Б.), автор выделяет смысловое ядро речевого сообщения, важное для коммуниканта (her). Несмотря на то, что все высказывание было произнесено громким голосом

и на пике эмоций, о чем свидетельствует глагол звукового действия “to scream”, выделение последнего слова курсивом переносит логическое ударение на него, косвенно демонстрируя негативное отношение коммуниканта к предмету речи (обсуждение соперницы) и противопоставляя его собственной личности (me with her). Курсив помогает добиться видимого контраста между собственной личностью и личностью соперницы графическим способом.

8. ‘*Your father was despised by half the people who knew him. No, I don’t think your father fell from the rooftop. I believe he was pushed. Deliberately.*’ He paused. ‘*I think your father was murdered*’ [Там же].

Экстралингвистические условия этого примера таковы – говорящий подозревает собеседников в убийстве. Его стратегия – довести их до состояния волнения, прежде чем сообщить известные ему новости. Для достижения результата тактика намеренной паузации активно эксплуатируется коммуникантом, информация передается порциями, по чуть-чуть.

На письме использование точки во фразе “I believe he was pushed. Deliberately.” выносит в отдельное предложение наречие “deliberately”, т.е. мы наблюдаем пример парцелляции. Высказывание реализуется не в одной, а в двух интонационно-смысловых речевых единицах, следующих одна за другой после разделительной паузы (точки). Это помогает усилить смысловые и экспрессивные оттенки значений. Обособляя при помощи точки наречие “deliberately”, автор конкретизирует деталь в общей картине повествования – его не просто столкнули, а столкнули намеренно. Подразумеваемая паузация после основного предложения (авторский комментарий “He paused”) усиливает эмоциональный потенциал конечной синтагмы и производимый им эффект.

Другой функцией, выполняемой графическими средствами, можно считать оценочную. Оценочное суждение говорящего на письме может быть частью его речи, а может представлять автокоммуникацию. В последнем случае графические приемы используются для отделения речи автора от речи героя. Курсив и точка являются наиболее употребимыми графическими средствами для выражения этой функции.

9. ‘*We’ve brought Elizabeth with us for the evening, hope you don’t mind,*’ said Philip <...> Oswald groaned inwardly <...> *Cheap whores, a pair of them* [Там же].

Курсив (у нас – жирный. – А.В.Б.) в данном примере демонстрирует внутренний монолог героя. На автокоммуникацию указывает наречие “inwardly” (privately; tooneself [4] – про себя) в адвербиально-глагольном словосочетании “groaned inwardly”. Для ее графического оформления автор прибегает к изменению начертания – “*Cheap whores, a pair of them*”.

Цель данной автокоммуникации – выразить отрицательное отношение к собеседникам. Отрицательные эмоции передают глагол звукового действия “to groan” (“to express disapproval by moaning sound in breathing” [Там же]) и адъективно-именное словосочетание “cheap whores”, являющееся инвективой. Инвектива как бы мысленно направлена на собеседников, т.к. открытая демонстрация своего негативного отношения не вписывается в рамки этикета, о чем мы можем судить, опираясь на экстралингвистическую ситуацию.

10. *‘You wouldn’t take my calls, you wouldn’t see me ...’*

‘I was livid! You were a shit, Michael. A total shit’ [6].

Точка в данном примере отделяет синтагму “A total shit”, передающую оценочное суждение говорящего относительно собеседника, т.е. мы наблюдаем пример парцелляции. В основном предложении встречается инвективная лексика – “shit”. В синтагме, отделенной от основного предложения при помощи точки, повторяется инвективный лексический компонент “shit”, но он усиливается прилагательным “total”. Вся обособленная смысловая группа представляет из себя адъективно-именное словосочетание оценочного характера. Обособленная смысловая группа “A total shit” является комментарием-оценкой коммуниканта.

Графические стилистические приемы также могут передавать эмоциональное состояние говорящего – гнев, раздраженность, недоверие, упрек и т.д., т.е. выполнять эмоционально-экспрессивную функцию. Для осуществления этой функции использование курсива и прописных букв наиболее характерно.

11. *‘You know people are expecting us to have children. What am I supposed to tell them? My wife is incompetent?’*

Venetia glared at him – for once her upset was overtaken by her fury. ‘Incompetent?’ she snarled. ‘I’m not one of your staff’ [6].

Коммуникант переходит в эмоциональное состояние ярости после слов собеседника, который в разговоре на личные темы употребляет слова, принадлежащие к бизнес-сфере,

в частности характеризует состояние здоровья героини как “incompetent”. Героиня в гневе от подобного отношения – она повторяет слово “incompetent” в бешенстве (что подтверждает авторский комментарий “overtaken by her fury”). Это слово передается на письме при помощи курсива. Слово “staff” также пишется курсивом для демонстрации неодобрения коммуникантом использования подобной терминологии относительно ее личной жизни. О том, что коммуникант-женщина говорит, находясь в отрицательном эмоциональном состоянии, говорит и глагол звукового действия “to snarl” (to utter with anger or hostility, to speak crossly and in rude terms [4]). Из его дефиниции видно, что говорящий охвачен гневом и враждебен к собеседнику.

12. *As I walked closer and closer I began to sicken; my nerves were stretched to the breaking point, then snapped. I walked into the house with just the bag of butter in my hand; I had left the tomatoes and cucumbers in the car. I don’t know what she was playing; it was so loud that I couldn’t distinguish one sound from another. Sara walked out of the kitchen. “GOD DAMN YOU!” I screamed* [5].

Эмоциональное состояние раздраженности героя передается за счет пассажа “I began to sicken; my nerves were stretched to the breaking point, then snapped”, где показывается, что говорящий уже находился в отрицательном эмоциональном состоянии, располагающем к конфликту, еще до контакта с собеседником (my nerves were stretched to the breaking point), состояние усугублялось (began to sicken) и кульминационной точки (then snapped) достигло лишь при вступлении на территорию собеседника (walked into the house). Речь коммуниканта, имеющая, безусловно, некооперативный вектор, оформлена прописными буквами – “GODDAMN YOU!”, глагол звукового действия “to scream” реализует раздражительность и агрессивность собеседника из пассивной (внутренней) в активную (внешнюю).

Ненормативное графическое оформление речи героя дополняет его художественный образ, созданный автором при помощи различных языковых средств. Включение графических приемов в анализ образа героя позволяет точнее понять его эмоциональное состояние и прочувствовать идею автора, заложенную в этого персонажа. Проанализировав графические стилистические средства при описании речи инициатора конфликта, мы выделили

самые распространенные – курсив, дефисация, тире, точка, многоточие, использование прописных букв вместо строчных. Их функциональный потенциал распадается на следующие группы: передает ритмико-мелодические особенности речи коммуниканта, его эмоциональное состояние, оформляет его оценочное суждение и несет эмфатическую нагрузку. При этом одно и то же графическое средство в зависимости от прагматического контекста может выполнять различные функции или реализовывать сразу несколько функций одновременно.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. 4-е изд., испр. и доп. М., 2002.
2. Баженова И.С. Эмоции, прагматика, текст. М., 2004.
3. Большой словарь иностранных слов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.megaslov.ru/> (дата обращения: 20.05.2015).
4. Wordnik [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wordnik.com/> (дата обращения: 20.03.2015).
5. Bukowski Ch. Women. N.Y., 2007.
6. Perry T. Daddy's Girls. L., 2007.
7. Weisberger L. The Devil Wears Prada. N.Y., 2004.

* * *

1. Arnol'd I.V. Stilistika. Sovremennyj anglijskij jazyk. 4-e izd., ispr. i dop. M., 2002.
2. Bazhenova I.S. Jemocii, pragmatika, tekst. M., 2004.
3. Bol'shoj slovar' inostrannyh slov [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.megaslov.ru/> (data obrashhenija: 20.05.2015).

Graphic devices in describing the situation of conflict (based on the English fiction texts)

There are regarded the graphic devices used by authors of fiction when describing the situation of conflict, in particular the speech of conflict initiator. There are marked out the most frequently used graphic devices, their functions, as well as considered their place in the process of creation of artistic image of conflict initiator.

Key words: *conflict initiator, non-cooperative communication, stylistic devices, graphic devices, text analysis, pragmalinguistics.*

(Статья поступила в редакцию 16.07.2015)

Т.А. КОРОТКИХ
(Орехово-Зуево)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ В НЕМЕЦКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Проводится лингвистический анализ процесса образования новых фразеологизмов на базе крылатых выражений из произведений Ф. Шиллера. Выявлены и исследованы три способа структурно-семантической деривации: обособление компонентов, расширение лексического состава и переразложение. Установлено общее количество структурно-семантических дериватов от крылатых выражений Шиллера – 160 фразеологических единиц (110 устойчивых фраз и 50 фразем).

Ключевые слова: *фразеологическая деривация, структурно-семантическая деривация, крылатые выражения, обособление компонентов, расширение лексического состава, переразложение, структурно-семантический дериват.*

Структурно-семантическая деривация – один из способов фразеологической деривации, т.е. образования новых фразеологических единиц (ФЕ) на базе уже существующих в языке фразеологизмов. Таким образом, её изучение входит в общую проблематику диахронической фразеологии и относится к актуальным задачам современного языкознания [2].

Фразеологическая деривация может быть определена как один из процессов фразеобразования, при котором под влиянием лингвистических и экстралингвистических причин посредством модификаций в семантике, структуре, составе и грамматическом оформлении производящих ФЕ создаются новые, производные ФЕ – фразеологические дериваты.

Понятие деривации предполагает наличие двух (и более) эмпирически представленных единиц, одна из которых генетически восходит к другой: $ФЕ_1 \rightarrow ФЕ_2$. Условием существования деривационных отношений между двумя ФЕ следует признать факт наличия у них материальной и семантической общности и возможность выведения одной ФЕ из другой в структурном и семантическом планах. За производящие единицы в настоящей работе условно принимаются те крылатые выражения (КВ) из произведений Ф. Шиллера, которые послужили источником для образования на их основе новых, производных ФЕ немец-